

ИВЕРСКИЙ ЛИСТОК

По благословению
митрополита Нижегородского
и Арзамасского Георгия

№ 3 (92)
Март 2016 г.

Издание Иверского женского монастыря г. Выкса, Выксунская и Павловская епархия

ЗАЖЕГСЯ СНОВА СВЕТИЛЬНИК ВЕРЫ

— 9 февраля после длительного процесса восстановления был освящен храм в честь Успения Божией Матери в нашем Иверском женском монастыре. Епископ Выксунский и Павловский Варнава совершил чин Великого освящения храма, а затем возглавил Божественную литургию (на Верхних снимках). Его Преосвященству сослужили епископ Балахнинский Илия, викарий Нижегородской епархии, епископ Лысковский и Лукояновский Силуан, благочинные благочиннических округов Выксунской епархии, клирики Выксунского Иверского монастыря и Выксунского благочиния. На богослужение собрались многочисленные прихожане и паломники.

По окончании богослужения настоятельница Иверского монастыря игумения Антония обратилась к преосвященным архиереям со словами благодарности и поздравила всех собравшихся с радостным событием: «...129 лет назад этот храм был освящен впервые. Пережив разрушение, теперь он вновь сияет в своем блеске. И сегодня Царица Небесная собрала всех нас под Своим Покровом и благословила освящать Ее благословенный Престол именем великого праздника Успения Божией Матери».

«Сегодня совершилось великое действие! — сказал в своем пастирском слове Владыка Варнава. — Как человек, который приходит к Богу, который облекается во Христа и начинает новую жизнь, так и храм сей, некогда поруганный и приспособленный под мирские цели и дела, снова возрождается ради главной своей духовной цели — возрождать души людей, приводить их к Богу, соединять с Христом... Зажегся снова светильник, обновился храм, и теперь будет в нем совершаться Божественная литургия, ради которой, как говорил Иоанн Кронштадский, и солнце светит, и земля произрастает плоды свои, и продолжается жизнь на земле...»

«ПИСЬМА ИЗ ПРОВИНЦИИ»

— так называется цикл передач телеканала «Культура», в который войдет сюжет о Выксунском Иверском женском монастыре.

13 и 14 февраля по благословению епископа Выксунского и Павловского Варнавы съемочная группа студии «Культура» ГТРК «Санкт-Петербург» посетила Выксунский Иверский женский монастырь. Снятые журналистами сюжеты о жизни обители и интервью с ее настоятельницей игуменией Антонией /на снимке/ войдут в программу об округе Выкса цикла «Письма из провинции».

По словам автора программы Евгении Латышевой и режиссера Юлии Катковой, цикл документальных фильмов, над которыми они работают, посвящен истории и культурной жизни российской провинции. По замыслу — это авторские наблюдения о прошлом и настоящем того или иного места, не репортаж, а небольшие очерки и зарисовки об истории, культуре и, главное, о людях, для которых созидание, сподвижничество стало основой их жизни.

Эфир программы состоится ориентировочно 25 марта; также его можно будет посмотреть в записи на сайте телеканала «Культура» в цикле передач «Письма из провинции».

◆ 2 марта – память старца Варнавы (Гефсиманского)

Среди многочисленных архивных документов, хранящихся в Центральном архиве Нижегородской области, есть рукописный сборник сочинений и рукописей (акафисты, письма, путевые впечатления паломника) иеромонаха Димитрия (Воскресенского), жившего в Оранском Богородицком мужском монастыре с июня 1918 по июнь 1919 год. В начале XX столетия отец Димитрий являлся известным церковным писателем. Среди его рукописей сохранился небольшой очерк воспоминаний, посвященный святому преподобному старцу Варнаве Гефсиманскому. Предположительно написан он был иеромонахом Димитрием в 1917 году.

Предлагаемый читателям текст адаптирован в соответствии с современной орфографией и снабжен некоторыми редакторскими комментариями. Публикацию подготовила историк Дёгтева О. В.

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ПРИСНОПАМЯТНОГО СТАРЦА БОЖИЯ – ИЕРОМОНАХА ВАРНАВЫ

(из воспоминаний инока)

За алтарем пещерного храма Черниговской чудотворной иконы Богоматери, в особом отделении-часовне, озаряемой рядом неугасимых лампад, под беломраморным надгробием почивает о Господе посмертным сном своим приснопамятный старец Божий — Гефсиманского скита иеромонах отец Варнава, объединяя и теперь собою, как некогда во дни своей богоугодной жизни, людей самых разнообразнейших общественных положений, и ныне, как в быльые счастливые дни, приходящих к нему с своими скорбями, нуждами, запросами своего духа, просящих его молить пред Господом, загробного вразумления, отеческого благословения. И веруем, твердо и несомненно веруем, что по мере веры этих «сыновков и дочек» (как он называл их при жизни) слышит их святопочивший старец Божий и преподает им свое утешение (Варнава — сын утешения).

Не о несомненном и великом духовном значении этого подвижника Божия намеревается говорить здесь пишущий настоящие строки, — что не может и подлежать каким-либо сомнениям, — а лишь поделиться с многочисленной паствой почившего старца сведениями о нескольких случаях его благодатной прозорливости.

1. В период жизни пишущего настоящие строки в Троице-Сергиевой лавре (с 1887 по 1892 гг.), ему многократно приходилось встречаться со старцем Божиим запросто, в обыденной жизни, в кельи теперь уже давно умершего духовника Гефсиманского скита — иеромонаха Афанасия, и в его собственной кельи — домике. Он знал, что старец Бо-

жий пользуется широчайшей известностью в среде людей боголюбивых; ведал и то, что в минуты скорбей и напастей к старцу спешили иноческие Лавры и окрестных монастырей, и как скажет отец Варнава — так непременно и случится.

И странное дело — зная все это, глубокоуважавший почившего, пишущий настоящие строки по какой-то непонятной и необъяснимой духовной слепоте, но не по ожесточенному упорству, не мог оценить тогда всего его духовного значения, и веруя, и подчас отрицая данный ему благодатный дар прозорливости будущего, намерений и мыслей приходивших к нему людей. Сказал Господь, что не считается должным образом никакой пророк в своем отечестве, и непреложным, как и всегда, явился глагол Господень. Теперь-то он, пишущий эти строки, готов пред целым миром исповедовать прозорливость старца, а тогда! Просто было омрачение духовных очей, некая теплохладность. Но и поразил же его однажды его старец своей чудной и дивной прозорливостью.

Случилось это при следующих обстоятельствах. В один из июньских летних дней, после окончания вечерни в Лавре, вздумалось ему с товарищем — теперь уже покойным иеродиаконом Павлом (Кедровым), бывшим тогда еще послушником — прогуляться до Пещер, подышать чистым воздухом. Казалось бы: чего легче осуществить это скромное желание? Но в том-то и дело, что оно было не tanto легко осуществимо.

После вечерни в Троицком соборе, покойный отец наместник Лавры — архимандрит

Леонид [Кавелин, 1822-1891 гг., исполнял обязанности наместника с 1877 года — прим. Ред.] частенько-таки сиживал на скамеечке Успенского сада-кладбища, как раз против въездных в Лавру ворот. А когда гулял отец наместник, и думать было нечего показаться в воротах. Бывали случаи, что смельчаки жестоко платились за это, до изгнания из Лавры включительно: требование военной дисциплины (он был полковник в миру) — [информация не совсем верна, фактически будущий наместник вышел в отставку в чине капитана — прим. Ред.] оказывалось у покойного отца наместника и в иночестве, и под митрою. В предупреждение возможности повторения подобных печальных случаев всегда, как только отец наместник пройдет в сад, на всех углах предусмотрительным благочинным Лавры — отцом иеромонахом Никодимом в укромных уголках расставались сторожа — отставные солдаты, на обязанности которых лежало предупреждать не ведавших о том иноков, что отец наместник в саду, и следить за малейшими его движениями, а сам отец благочинный ради той же цели дежурил иногда в продолжении нескольких часов за воротами, чтобы кто-либо из братии не попался на глаза строгого наместника, возвращаясь из лавки в ворота. Правда, освоившись с этим препятствием, мы прекрасно обходили его: спустившись к певческой башне и нижним садом обогнув южную стену Лавры у Пятницкой башни, мы выходили на городскую площадь и мирно продолжали свой путь.

В тот незабвенный день, к которому относится настоящий рассказ, отец намест-

ник был в саду, что вынуждало прибегнуть к окружному пути. Завидев отца наместника, пишущий эти строки мысленно ругнул строгого начальника, но ни слова не сказал своему спутнику, да и сам почти забыл о своем гневливом помысле. И вот — друзья за воротами Лавры; оставили посад, миновали Киновию и приближаются к Пещерам, войдя в ворота которых неожиданно встречают отца Варнаву, как будто ожидающего их. Благословляя пришедших, он говорит мне, пишущему эти строки: «А начальников-то, сынок, бранить — грех. Помнишь учение Апостольское: несть бо власть, аще не от бога; сущие же власти от Бога учинены суть».

— Да, ведь если он (наместник) сидит и препятствует такому невинному удовольствию, тут как быть, батюшка? — пробует хотя что-либо сказать в свое оправдание обличенный.

— И опять, сынок, повторю: бранить начальников даже в мыслях — грех.

И старец, и тот, к кому относились эти слова, прекрасно понимали, в чем дело, а брат Павел с недоумением смотрел на обоих.

— Простите, батюшка, и помолитесь, чтобы впредь не впадал я в грех осуждения и противления, — смиренно обратился к нему обличенный.

— Так, так, сынок, — заключил старец свою беседу и простер свою милость к пришедшему до того, что в сопровождении их прошел через весь монастырь и воспользовавшись разборным забором, вследствие начавшейся тогда постройки нынешнего величественного Черниговского храма Пещер, ограждавшим тогда монастырь, удалился в лес, говоря, что весьма тяготится многочисленным стечением к нему народа, так что редко-редко может избрать такую счастливую минутку, в которую мог бы всецело принадлежать самому себе и в безмолвии сладком помолиться Господу.

Обращаясь к Павлу, он сказал ему, между прочим: «Живи, сынок, у преподобного Сергия: хороший из тебя дьякон выйдет», — что и сбылось впоследствии. И в сане иеродиакона еще в молодых годах Павел умер и был похребен на братском кладбище у Боголюбской киновии [т.е. иноческого общежития, скита — прим. Ред.].

2. В декабре 1912 года пишущий настоящие строки вместе с настоятелем Троицкой Кризеверской пустыни, Костромской епархии, отцом архимандритом Сергием занесен был в Троицкий Белбажский женский монастырь, затерявшийся в самом глухом углу епархии [сегодня эта возрожденная обитель, в Коневинском р-не, на территории Городецкой епархии, является скитом Свято-Троицкого Серафимо-Дивеевского монастыря — прим. Ред.]. Здесь настоятельствовала тогда достопочтеннейшая старица — мать игуменья Аполлинария [Меморская, управляла обителью с 1899 года — прим. Ред.], только в минувшем году добровольно сложившая с себя бремя управления обителью и доживающая в ней же свой долгий век. Во время беседы с этой старицей-игуменьей, когда в разговоре было упомянуто имя отца Варнавы, вот что передала она приезжим:

— В канун злосчастного 1905 года, — говорила она, — дела монастыря нашего заставили меня предпринять поездку в Москву: необходимо было испросить Высочайшее соизволение Государя Императора на принятие

монастырем земельного участка; но переживаемые тогда горестные события исключали всякую мысль о возможности этого [речь идет о революционных потрясениях, забастовках рабочих — прим. Ред.]. В скорби оставила я первопрестольную и, возвращаясь в Кострому, остановилась поклониться преподобному Сергию. Конечно, нечего и говорить о том, что из Лавры я поехала и к Черниговской иконе Богоматери, пред которой и отстояла молебен. Выйдя из пещер, направляясь к домику отца Варнавы, ожидающему многочисленной народной толпой. «Ну, как тут попадешь к старцу?!» — пришло на мысль, и я колебалась в нерешимости: ожидать ли, или же ехать обратно? Прошло несколько минут. Вдруг сам старец показывается на крылечке и, обращаясь к толпе, говорит:

— Пропустите игуменью.

А на мне ни креста, ни клубка не было, так что узнать, кто я в действительности, было невозможно. Народная толпа зашевелилась, но не могла признать во мне игуменью и с недоумением озиралась по сторонам.

— Мать, иди-ка сюда, — позвал старец.

И вот я в келье батюшки. Много говорил он со мною и, между прочим, благословил тотчас же начинать земельное дело, несмотря на очевидную его несбыточность, своим словом уверяя, что оно увенчается желаемым успехом. Послушная воле старца, я дело начала, и, по его молитвам, оно действительно получило и неожиданно счастливое течение, и такое свое завершение, о котором даже и мечтать было равносильным непростительным легкомыслием.

Воистину много может молитва праведного пред Господом!

3. Волною совершающихся событий в конце октября 1915 года, пишущий настоящие строки переброшен был через всю Россию, из Литвы в далекий и до того времени в неизвестный ему Оренбург.

Вскоре здесь ему пришлось познакомиться с одним из местных пастырей — священником храма преподобного Серафима Саровского [деревянная церковь в Форштадте, освящена была в 1912 году, епископом Оренбургским и Тургайским Феодосием (Олтаржевским) — прим. Ред.] отцом Федором Елиным. Посетив его в доме и, в числе других портретов, украшавших письменный стол названного иерея, встретив фотографию почившего старца Божия отца Варнавы, он поинтересовался узнать: как попала она сюда, на окраину Европейской России, соприкасающуюся границам со Средней Азией? И вот, отвечая ему на этот вопрос, хозяин рассказал ему следующее:

— В июле 1903 года, — повествовал он, — тогда, как в Сарове происходило радостное торжество прославления преподобного Серафима, я, бывший тогда еще дьяконом, жена моя, теща, наша малютка — сын Алеша, задумали совершить богомольную поездку ко святым местам родной земли и, по дороге в Киев, Москву и Новый Иерусалим завернули в Лавру преподобного Сергия. Откуда проехали и в Черниговские Пещеры. Отслужив молебен пред иконой Царицы Небесной и выйдя из храма, видим толпу народа, сгрудившуюся у домика-кельи. На вопрос наш, что значит это народное собрание, нам отвечали, что здесь живет прозорливый старец отец Варнава, благословения которого и ожидают эта народная толпа. Необходимо заметить, что в то время

я с некоторым скептицизмом относился к нашему монашеству вообще и к так называемым прозорливым, в особенности.

— Интересно бы, — говорю своим семейственным, — взглянуть: какие такие бывают прозорливые!

И вот мы протискиваемся через народную толпу к крыльцу старцевой кельи, с усилием проникаем в сенцы ее и — останавливаемся, задержанные народом. Проходит несколько минут ожидания. Отворяется дверь из кельи, и показавшийся на пороге ее послушник спрашивает:

— Кто здесь из Оренбурга?

Не относя к себе обращенного вопроса, мы храним молчание, а спрашивавший, не получив ответа, скрывается внутри кельи, но снова тотчас же возвращается и снова спрашивает:

— Кто здесь из Оренбурга? Батюшка говорит — с семейством.

Пришлось отозваться, так как никого, кроме нас, из Оренбурга не было.

— Ну, так пожалуйте в келью: батюшка ждет вас.

Признаюсь, что с невольным страхом очутился я стоящим перед смиренным старцем, прося его благословение. А он с такой улыбкой смотрит и спрашивает:

— Батюшка?

— Нет, только дьякон.

— Скоро будешь батюшкой, и уважаемым батюшкой; только, сынок, водки не пей и табаку не кури.

Жена же моя, обращаясь к старцу, делится с ним своим горем:

— Дети у нас, батюшка, не живут. Помогитесь!

Положив руку на Алешу, отец Варнава отвечает:

— Ну, ничего: Бог даст — этот жив будет.

Покойная же теща моя просит его:

— Мне бы, батюшка, нужно было с Вами поговорить особо.

— Ну что же, дочка, пойдем — поговорим, — и уводит ее в другое отделение кельи.

О чём была их беседа — покойная никогда не передавала, а что касается меня, то прозорливое слово человека Божия сбылось надо мною во всей полноте: я, как видите, священник; сына нашего Алешу — вы видите. Теперь он воспитанник духовно-учебного заведения. Как же после этого забыть благодатного старца, как забыть встречу с ним, как не иметь хотя его портрета, как не молиться о упокоении его светлой души в небесных обителях и как не просить его, чтобы и он помолился за нас пред Господом и преподал нам свое загробное отеческое благословение?!

И вот, когда выслушиваешь подобные рассказы и повествования, до очевидности непреложной становится та истина, что благодать Божия и ныне, якоже и во дни священной христианской древности преизобильно действует в избранниках своих, которых воздвигает Господь среди людей, да богатством своих добродетелей и духовной высотой своей жизни озаряют блуждающих во мраке греховном бедных путников земли, напоминая им о небесной отчине, будя их совесть и зовя к возвращению в небесное отечество стезею христианской, добродетельной жизни. А таким именно избранником Божиим и благодетельным светильником нашего времени и был приснопамятный старец Божий, ему же буди от нас вечная память!

Детская страничка

ПРИВЕТЛИВЫЙ ЩЕНОК

Почему при встрече люди пожимают друг другу руки? Это теперь есть танки, пушки и бомбы. А раньше люди воевали камнями и палками. И если встречались миролюбивые, то один из них показывал другому ладонь: смотри, у меня в руке ничего нет. Другой в ответ разжимал пальцы — и у меня тоже. Они радовались, что угроза миновала, и пожимали друг другу руки.

Витя и Юра жили в одном дворе и всегда играли вместе. Но однажды они поссорились и стали при встрече делать вид, будто не видят друг друга. Мальчики уже и вспомнить не могли, из-за чего вышла ссора, но мириться первому? Ни за что!

Погода стояла великолепная, солнышко так и звало на улицу порезвиться. Но не играть же одному. Вот и сидели бывшие друзья по домам, словно заключенные. Гордость их как цепью сковала, особенно Витю. Ему казалось, что если он первым подойдет мириться, то у него слетит с головы корона. Правда, настоящей короны у него не было, но он всегда боялся показаться таким же, как другие дети, вот и задирал нос повыше. Пусть все думают, что он принц замор-

ский. Конечно, Витя жалел о разбитой дружбе, но корона была дороже.

А Юра очень переживал и при каждой случайной встрече с Витей держал руку готовой для рукопожатия. Но, увидев задранный нос, он тоже отворачивался и делал вид, что застегивает пуговицы.

Дни каникул прошли безрадостно, с камнем гордыни за пазухой. Вскоре небо заволокло тучами, пошли дожди и наступили холода. Холодно было и на душе у ребят. Однажды Юра даже пробовал помолиться, но у него ничего не получилось. Да и не могло получиться: Бог не принимает молитву тех, у кого нет мира в душе.

Встревожились родители Вити, что сын на улице не бывает, и завели собаку. Решили, что гуляя с ней, мальчик не только свежим воздухом дышать будет, но и познакомится с кем-нибудь, раз уж с Юрай у них ссора вышла. Но пёс оказался злым — никого к Вите не подпускал.

Увидели Юрины родители, что Витя собаку выгуливает, и тоже купили сыну щенка. Тот оказался ласковым и всем хвостиком вилял, хотел подружиться.

И вот однажды Витя со своим злым

псом встретил Юру с радостным щенком. Как ни тянули ребята собак в разные стороны, ничего у них не получилось: здоровенный Витин пёс решил с Юриным щенком познакомиться. А тот только этому и рад — аж повизгивает от удовольствия. Стали они играть. Поводочки у собак переплелись, и мальчики оказались рядом. Тут уж и Вите пришлось заметить своего бывшего друга, тем более, что тот первый сказал ему:

— Привет!

В этот момент Витя почувствовал, что корона слетела с его величественной головы, и он чуть слышно произнёс:

— И тебе привет.

Помолчав, ребята заговорили о своих любимцах. Мир робко восстановился. А собаки мгновенно подружились и не хотели расставаться. Вот и говорились мальчики выводить их на прогулку одновременно. А прощаясь, даже пожали друг другу руки. На душе было светло и радостно.

Пришёл Юра домой, стал молиться и почувствовал, что Бог слышит его.

Б. Ганага

СОСУЛЬКА

Жила-была Сосулька.

Однажды в холодное морозное утро мимо пробегал Лось и, поежившись от холода, сказал:

— Скорей бы весна...

— Весна? — удивилась Сосулька. — А что это такое?

— Это солнце, зеленая травка, это радость! — воскликнул Лось.

— О! Я знаю, что такое радость! Это морозное утро! — подтвердила Сосулька.

— Вовсе нет, — возразил Лось. — Радость — это тепло!

«Тепло...» — задумалась Сосулька и тоже стала ждать весну.

— Что ты такая задумчивая? — спросил Сосульку Мороз, сверкая и переливаясь на солнце.

— Я жду весну, — ответила Сосулька.

Ничего не сказал Мороз, только вздохнул.

Шли дни за днями. И вот на смену холодному ветру, снегу и морозу пришло тепло.

— Весна пришла! — шумел лес.

— Весна пришла! — пели птицы.

— Весна пришла! — весело качал головой Лось.

— Весна пришла? — удивилась Сосулька, сверкая в теплых солнечных лучах. И стала таять.

— Кап, кап, кап! — капали теплые капли на тающий снег, и в скором времени на этом месте расцвел маленький белоснежный цветок — Подснежник. К нему подошел Лось, полюбовался и сказал:

— Чтобы ты вырос, свои тепло и радость тебе отдала Сосулька.

Дорогой, малыш!

Бог так чудесно создал мир, что все в нем живет для пользы другого. И тебя Бог создал тоже на добрые дела. Что ты можешь подарить своим друзьям и близким? Радость, доброту и любовь! Так же, как это делает для тебя Бог!

Из книги Елены Люкмановой «Небесные лучики»

Редакционная коллегия:

игумения Антония - настоятельница Иверского женского монастыря; монахиня Мариамна, посл. Татиана, И. Мурзинова.

По всем вопросам просим обращаться по адресу: 607060, г. Выкса Нижегородской обл., ул. Краснофлотская, 58.

Контактные телефоны: 6-08-83; 3-65-05. «Листок» сверстан и отпечатан в ООО «Полиграфист». Заказ 11093, тираж 999